

УДК 347.9(571.1)

В.И. ИСАЕВ, Д.Ю. МИХЕЕВ

**ЗАКОННОСТЬ ПО-СТАЛИНСКИ:
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦИК И СНК СССР ОТ 7 АВГУСТА 1932 г.
И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Институт истории СО РАН
e-mail: history49@mail.ru;
Новосибирский военный институт ВВ МВД РФ
e-mail: dimamix@list.ru

В статье рассмотрены правовые коллизии, связанные с принятием в 1932 г. печально знаменитого «закона о колосках». Показаны масштабы репрессий по этому закону в Западной Сибири, названы причины его постепенного вытеснения из судебной практики.

Ключевые слова: социалистическая собственность, право, репрессии, судебные органы, Западная Сибирь.

В истории создания в нашей стране в 1930-х гг. тоталитарного государства и административно-командной системы управления экономикой рубежным и символическим законодательным актом можно назвать постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»¹. В нем говорилось, что граждане, хотя бы в малой степени посягнувшие на общественную социалистическую собственность, объявляются врагами народа. Главной мерой наказания за такие преступления будет расстрел, и только при наличии смягчающих обстоятельств высшая мера может быть заменена лишением свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества.

Разумеется, преступления, названные в постановлении, рассматривались как уголовно наказуемые деяния и до его издания, но теперь степень их общественной опасности стала оцениваться в качественно ином диапазоне. Государство признавало их тягчайшими преступлениями, направленными против основ советского строя. Таким образом, постановление резко повышало моральную и уголовную ответственность за имущественные преступления, доводя ее до высшей меры наказания.

Важно подчеркнуть, что с правовой точки зрения постановление выглядело абсурдным, потому что не соизмеряло степень тяжести преступления и наказания. За все мелкие или крупные хищения предусматривалось по существу только две меры – расстрел или 10 лет лишения свободы. Еще одним противоправным моментом было нарушение принципа: закон обратной силы не имеет. В секретной инструкции Верховного суда, разосланной на места в связи с кампанией во-

круг нового закона, предписывалось применять постановление к преступлениям, совершенным до его принятия, «в случае, когда преступления имеют общественно-политическое значение» [1, с. 103.]

В народной памяти постановление получило свое название и осталось печально известным как «закон о пяти колосках». Удивительно, как метко запечатлел несоответствие преступления и наказания народный юмор! Действительно, за сорванные с колхозного поля пять колосков человек мог получить расстрел или 10 лет лагерей – по два года за каждый колосок.

Для понимания причин принятия такого драконовского закона необходимо вспомнить и представить тот общественно-политический контекст, в котором стал возможным этот «беспредел». Следует отметить, что с переходом к форсированному строительству социализма изменение существовавшего законодательства в сторону ужесточения наказаний довольно широко практиковалось сталинским руководством. Суровая, а по существу карательная политика советского государства стала одним из основных рычагов, призванных заставить население подчиниться принятому большевистской партией курсу развития страны.

Появление чрезвычайных репрессивных мер в советском законодательстве было тесно связано с развертыванием масштабных мероприятий по индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. В ходе их осуществления основной удар наносился по крестьянству: многомиллионные массы народа были сорваны со своих привычных мест обитания, лишались собственных источников существования. В городах не хватало продуктов питания и других товаров народного потребления, была введена карточная система их распределения. В такой тяжелой ситуации мелкие хищения колхозного или государственного

¹ Известия. 1932. 8 авг.

имущества стали для многих людей одним из вынужденных способов выживания.

Инициатором введения высшей меры наказания за хищения колхозного или государственного имущества выступил сам И.В. Сталин, предложивший в июле 1932 г. членам Политбюро ЦК ВКП(б) в срочном порядке принять составленный им проект постановления. При этом Сталин, конечно, осознавал, что предлагаемые решения являются неоправданно жестокими и могут вызвать недоумение и критику. В письме В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу, написанном не позднее 24 июля 1932 г., он излагает свои аргументы против возможных противников введения смертной казни за хищения общественного имущества: если частная собственность при капитализме считается священной и неприкосновенной, то и общественная собственность в условиях социализма должна рассматриваться подобным же образом. «Социализм не сможет добить и похоронить капиталистические элементы и индивидуально-рваческие привычки, навыки, традиции (служащие основой воровства), расшатывающие основы нового общества, если он не объявит общественную собственность (кооперативную, колхозную, государственную) священной и неприкосновенной», – писал Сталин [2, с. 240–241].

Однако схоластически подводя теоретическую базу под введение смертной казни за хищения «священной» общественной собственности, Сталин не желает замечать, что таким образом отбрасывается современный принцип соразмерности наказания тяжести преступления и по существу восстанавливается средневековая практика, когда для правящего класса целью наказания было прежде всего устрашение и подчинение зависимого населения.

Авторитет вождя к тому времени был уже непрекращаем, постановление было принято в сталинской редакции. Вокруг нового закона сразу же была организована шумная пропагандистская кампания, на его выполнение брошены все силы правоохранительных органов СССР. Отчетность по реализации постановления заняла видное место в материалах партийных и государственных органов. Только с 7 августа 1932 г. по 1 января 1933 г. в РСФСР по новому закону осудили 76 961 чел., из них к высшей мере приговорено 2 588, к 10-летнему заключению – 49 360 чел. (остальные были осуждены по ч. 3 постановления, включавшей иные преступления, кроме хищений соцсобственности, и предусматривавшей другие меры наказания). В период с 1 января 1933 г. по 1 мая 1933 г. было осуждено 81 253 чел., из них к высшей мере приговорено 4 183, к 10-летнему сроку – 68 329 чел.; с 1 мая по 1 июля 1933 г. соответственно 49 689, 1392 и 41 219 чел. [3, с. 300–301]. Отметим, что данная статистика учитывает только вступившие в законную силу судебные приговоры; часть репрессированных проходила через органы ОГПУ.

Приведенные цифры показывают довольно широкие масштабы репрессий, развернувшихся в ходе реализации нового закона. Кроме того, они опровер-

гают утверждения некоторых современных авторов, что применение высшей меры по данному закону было крайне редким, поскольку судьи старались смягчить приговоры, исходя из ранее существовавшей практики относительно мягких наказаний по имущественным преступлениям. Вместе с тем появлявшиеся в период «перестройки» утверждения о миллионах крестьян, ставших жертвами данного закона, тоже представляются преувеличенными².

В Западно-Сибирском крае менее чем за месяц после принятия нового закона (по состоянию на 1 сентября 1932 г.) было осуждено 245 чел.; из них к расстрелу приговорено 14 чел. На 1 октября 1932 г. насчитывалось уже 2 895 осужденных, к расстрелу приговорено 101 чел. (3,5 %), а к лишению свободы на срок свыше 10 лет – 1 891 (65,1 %)³. При этом большинство осужденных поплатилось жизнью или свободой за мелкие хищения. Например, в Тальменском районе в 1933 г. были осуждены на 10 лет лишения свободы колхозники Демьяненко и Журавлев, первый – за то, что набрал в карманы зерна с колхозного тока, а второй – за то, что видел и не донес⁴.

Партийные органы Западной Сибири строго контролировали внедрение закона от 7 августа 1932 г. в судебную практику. Краевой суд получил предписание ежемесячно представлять сведения об осужденных по данному закону в крайком ВКП(б). Руководство Западно-Сибирского края рапортовало в Москву, что только за первые четыре месяца применения нового закона было осуждено 13 237 чел., при этом 85 % осужденных составили крестьяне [4, с. 61; 1, с. 103].

Приговоры к высшей мере наказания по данному закону в Западной Сибири, как и в других регионах, были далеко не редкостью. Так, только за июль – сентябрь 1933 г. из 481 дела по закону от 7 августа, содержавшего приговоры к высшей мере наказания и поступившего на кассационное рассмотрение в Верховный суд СССР, 61 дело (12,7 %) было из Западно-Сибирского краевого суда. Больше число смертных приговоров отмечено только в Северо-Кавказском (26,7 %), Восточно-Сибирском (15,6 %) и Средне-Волжском (14,3 %) краях⁵. В целом на Западную и Восточную Сибирь пришлось 28,3 % кассационных рассмотрений по данным видам приговоров.

Вопреки пропагандистским заявлениям органов печати и партийных агитаторов о том, что закон направлен против так называемых врагов народа, под которыми понимались представители «социально чуждых» слоев населения, на самом деле перед судом представляли в основном простые люди, как правило, не являвшиеся противниками существовавшей власти. Так, в 1933 г. в Западно-Сибирском крае за преступления, подпадающие под данный закон, по данным на 1 августа было осуждено 6 117 чел., из них

² См., напр.: Аргументы и факты. 1989. № 5. С. 6.

³ ГАНО. Ф. П-32. Оп. 2. Д. 376. Л. 54.

⁴ Там же. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 23. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 37–38.

колхозники составили 74,9 % (4 580 чел.), работники совхозов – 9,9, промышленности – 4,3, торговли – 2,2, работники других учреждений и предприятий – 0,5–1,7 %⁶.

Из общего числа привлеченных к уголовной ответственности по закону от 7 августа 1932 г. на 10 лет лишения свободы было осуждено 78,9 %. По социальному составу среди таких осужденных единоличники-кулаки составили 8,8 %, середняки – 17, бедняки – 14,4, колхозники – 32, служащие – 1 %⁷. Таким образом, все социальные группы населения оказывались представленными в делах о подобных преступлениях, что, скорее всего, свидетельствует только о том, что тяжело жилось всем. Но партийно-советский аппарат по сложившейся уже привычке пытался доказать наличие злого умысла, прежде всего у представителей «социально чуждых» групп.

А если уж в хищениях социалистической собственности оказывались замешаны бывшие кулаки, то пощады им не было. Заместитель председателя Западно-Сибирского краевого суда Вежан в марте 1934 г. направил в Славгородский народный суд следующую телеграмму: «Посылаем вам дело Деревянных и др. в числе 20 человек по Закону от 7 августа 1932 г. для рассмотрения от имени Краевого Суда. Учитывая социальное положение подсудимых, судимость их в прошлом... считаем возможным... подвергнуть расстрелу». Вскоре Славгородский нарсуд послушно вынес трем из подсудимых смертный приговор, остальные получили различные сроки лишения свободы⁸.

В составе рассмотренных судами дел преступления, связанные с хищениями социалистической собственности, резко выросли и заняли одно из первых мест. Например, в Новосибирске в 1933 г. количество таких преступлений по сравнению с 1932 г. выросло более чем в 5,2 раза⁹. В целом в Западно-Сибирском крае по данному закону, начиная с момента его принятия и до начала 1937 г., было осуждено 23 630 чел., или 37,7 % от всех осужденных¹⁰.

Под каток репрессий попадали не только несознательные трудящиеся, но иногда даже и рядовые члены правившей партии. Однако к ним отношение было несколько иное, чем к другим гражданам. Всем судебным и правоохранительным органам Сибири был разослан секретный циркуляр из Москвы, в котором говорилось следующее: «ЦКК ВКП(б) обращает особое внимание на формальный подход к возбуждению дел против членов ВКП(б), исключению из партии и т. п. Поэтому в соответствии с решениями ЦКК от 8.09.1931 и 4.01.1922, 14.11.1927 руководствоваться следующим: 1. Участковые прокуроры и народные суды, прежде чем возбудить уголовное дело против

членов ВКП(б), обязаны провести предварительную проверку, возбуждать только в тех случаях, когда это обосновано. 2. Народным судьям при рассмотрении дел учитывать личность обвиняемого, личные заслуги и т. п. 3. Участковым прокурорам в течение 24 часов сообщать в крайком партии о делах, возбужденных против коммунистов»¹¹.

Такого рода указания наглядно показывали особый правовой статус коммунистов в сложившемся государственно-политическом механизме. Правда, к тому времени для большинства советских людей уже не являлось секретом, что партия большевиков изначально считала себя стоящей над законом. Тем не менее, партия не забывала напоминать об этом работникам судов и других правоохранительных органов на случай, если кто-либо попытается бы исходить из принципа равенства всех граждан перед законом.

Жертвами уголовного преследования в борьбе за сохранность социалистической собственности часто становились даже дети и незрелая молодежь. Так, молодой крестьянин Шпицын из Тальменского района, которому едва исполнилось 18 лет, в 1934 г. получил 10 лет за кражу с маслозавода 1,5 кг масла¹².

В материалах судебных процессов отмечалось, что колхозники и единоличники, чтобы избежать наказания, часто не идут сами на преступление, а посылают детей собирать колоски на колхозных полях¹³. Как правило, 10-летний срок все же получали родители, а детей передавали в детские учреждения. Так, в колхозе «Знамя Труда» Уч-Пристанского района 13 августа 1934 г. были задержаны дети бывшего кулака Мордвинова, у которых изъяли полмешка колосьев и картофеля с колхозного поля. Был организован показательный процесс, освещавшийся в газетах, в результате глава семейства получил 10 лет лишения свободы¹⁴.

Следует отметить, что чрезмерная суровость закона от 7 августа 1932 г., его явное несоответствие тяжести совершавшихся преступлений понимались большинством судей. Это подтверждается и данными судебной статистики: если в первые годы после принятия нового законодательства количество привлеченных к уголовной ответственности по данному закону было высоким и наказания являлись очень суровыми, то в последующие годы число привлеченных и суровость наказания последовательно снижались.

Абсурдность применения смертной казни или 10-летнего лишения свободы за любые хищения социалистической собственности вынуждены были признать и высшие органы власти. В частности, 27 марта 1933 г. Президиум ЦИК СССР издал постановление, в котором запрещалось применять закон от 7 августа 1932 г. к рабочим и крестьянам, в первый раз совершившим мелкую кражу общественной собственности и пошед-

⁶ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 175. Л. 99.

⁷ Там же. Л. 124.

⁸ Там же. Ф. Р-1027. Оп. 8. Д. 22. Л. 32–34.

⁹ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 175. Л. 2.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 116.

¹¹ Там же. Д. 16. Л. 16.

¹² Там же. Д. 23. Л. 3.

¹³ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 175. Л. 101.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 23. Л. 96 об.

шим на это в состоянии крайней нужды. Используя директивные указания центральных партийных органов, в частности, известное постановление ЦК ВКП(б) от 8 мая 1933 г., направленное на смягчение карательной политики, суды постепенно меняли практику привлечения к уголовной ответственности за хищение общественной и государственной собственности, по возможности смягчая ее.

По мере спада пропагандистской кампании, связанной с борьбой за сохранность социалистической собственности, происходило сокращение доли и численности осужденных по закону от 7 августа 1932 г. Это подтверждают сводные данные по Западной Сибири, обобщенные отделом судебной статистики краевого суда. Всего судами края в 1933 г. было осуждено 15 960 чел., из них по закону от 7 августа 1932 г. – 8 238 чел., что составило 51,6 % от всех осужденных; в 1934 г. соответственно 11 972 и 3 281 чел. (27,4 %); в 1935 г. – 7 972 и 601 чел. (7,5 %); в 1936 г. – 6 337 и 224 чел. (3,5 %)¹⁵. Налицо убывающая динамика применения «закона о колосках», а это говорит о том, что судьи старались без нужды не прибегать к его использованию, применяя при рассмотрении дел о хищениях социалистической собственности имевшиеся в УК РСФСР другие соответствующие статьи.

Как свидетельствует судебная практика, в отчетах Западно-Сибирского краевого суда, например за 1935 г., по преступности данного вида учитывались преступления, предусмотренные пунктами «г» и «д» ст. 162 УК РСФСР (кража из государственных хранилищ). В 1935 г. по этим пунктам ст. 162 было осуждено 5367 чел., в 1936 г. – 4897 чел., что составляло 14,3 % от общего числа осужденных¹⁶.

В 1936 г. государство предприняло запоздалую попытку восстановления справедливости по отношению к людям, неправомерно осужденным по закону от 7 августа 1932 г. В январе 1936 г. ЦИК и СНК СССР было принято постановление, в котором ставилась задача проверить все вынесенные за предыдущие годы приговоры по данному закону в плане их соответствия постановлению Президиума ЦИК СССР от 27 марта 1933 г.

Суды на местах получили указание Верховного суда СССР о пересмотре уголовных дел, возбужденных по закону от 7 августа 1932 г. Около 80 % всех принятых приговоров было изменено и только 20 % оставлено в силе. В июле 1936 г. пересмотр дел был завершен. В результате более 91 тыс. приговоров из 115 тыс. проверенных дел признано неправомерными. В связи с пересмотром приговоров было освобождено 37 425 заключенных, что составляло около 32 % всех осужденных, попавших под проверку [5, с. 243].

Во второй половине 1930-х гг. применение закона от 7 августа 1932 г. носило уже ограниченный характер: он применялся в основном в случаях крупных хищений, реже выносилась высшая мера. Так, за хи-

щения социалистической собственности в первой половине 1936 г. народные суды г. Новосибирска осудили 129 чел. (45,1 % от общего количества приговоренных к лишению свободы), из них только 16 чел. были осуждены по закону от 7 августа 1932 г. Все они получили по 10 лет лишения свободы¹⁷.

Итак, приведенные материалы показывают, что постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. являлось одним из наиболее мрачных образцов большевистского террора и насилия по отношению к собственному народу, примером неправовых действий партийных и государственных органов под формальным прикрытием закона. Суды в Западной Сибири, как и в целом по стране, в данной ситуации вынуждены были следовать в русле партийно-государственной политики, несмотря на явную абсурдность принятого закона с правовой точки зрения.

Вместе с тем в карательно-судебной политике советского государства, связанной с борьбой против хищений социалистической собственности, наблюдались разнонаправленные тенденции. С одной стороны, большевистское руководство пыталось жестокими карательными мерами запугать население, заставить его накрепко усвоить сталинский тезис о священности и неприкосновенности социалистической собственности. В этом плане постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., по замыслу Сталина, должно было оказывать в большей степени пропагандистское и воспитательное влияние. Но это вовсе не отменяло развертывания широких репрессий, которые тоже должны были дать пропагандистский и воспитательный эффект.

Таким образом, вырабатывался типично сталинский стиль управления: массовые незаконные репрессии прикрывались флером законности. Весьма красноречиво в этом плане письмо Сталина Кагановичу от 26 июля 1932 г., в котором он пишет: «Я думаю, что по всем этим трем пунктам (проекта постановления от 7 августа 1932 г. – В. И., Д. М.) нужно действовать на основании закона (“мужик любит законность”), а не на базе лишь практики ОГПУ, при этом, понятно, что роль ОГПУ здесь не только не будет умалена, а – наоборот – будет усилена и “облагорожена” (“на законном основании”, а не “по произволу” будут орудовать органы ОГПУ)» [2, с. 245–246]. Циничное пренебрежение Сталина к мужику и готовность под прикрытием мнимой законности еще шире использовать репрессивный аппарат ОГПУ для подавления недовольства народа выражены здесь вполне отчетливо.

Но, с другой стороны, нельзя не видеть, что государство в это время действительно столкнулось с проблемой защиты общественной собственности от хищений. Реальные обстоятельства, прежде всего бедственное положение населения, вынуждали людей в массовом порядке совершать подобные преступления в целях элементарного выживания. Признавая и понимая это, значительная часть работников судебных и

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 116. Расчеты авторов.

¹⁶ Там же. Оп. 7. Д. 83. Л. 39.

¹⁷ Там же. Л. 40.

других государственных органов старалась все же смягчать наказания, прибегая к переквалификации обвинения или вынесению приговоров, не предусматривавших смертную казнь. В конце концов, абсурдность закона «о пяти колосках» была признана и верхними эшелонами власти, о чем, собственно, и свидетельствуют последовательное сокращение к 1937 г. количества дел и практика пересмотра приговоров осужденных по данному закону.

Тем не менее, закону «о пяти колосках» суждено было еще на протяжении многих лет играть роль оградного сторожа, который, хотя и дремлет на окраине колхозного поля, но может по собственной прихоти или по приказу председателя вдруг проснуться и выстрелить. Фактически окончательная отмена данного законодательного акта произошла только в результате принятия указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имуще-

ства». Правда, в нем были названы тоже достаточно суровые (до 20–25 лет лишения свободы), но все же более дифференцированные и соразмерные меры наказания, а расстрел как высшая мера за такие преступления уже не предусматривался. Однако память о законе «о пяти колосках» еще долго жила в народном сознании; пожалуй, она до сих пор сохраняется как нерукотворный «памятник» сталинскому произволу и государственному террору в 1930-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Летопись Новосибирского областного суда (1923–2003). Новосибирск, 2003.
2. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М., 2001.
3. Наше Отечество. Опыт политической истории. М., 1991. Т. 2.
4. Панков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997.
5. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.